Не влюбляйся до Рождества

Ирина Тис
Ева Эндерин
IsForGood
Vastise
Марина Белинская
Мария Мун

18+

Ева Эндерин
Ирина Тис
Vastise
Марина Белинская
IsForGood

Не влюбляйся до Рождества

Серия «Серия, которую нельзя называть»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74822941
Не влюбляйся до Рождества. Сборник: Эксмо; Москва; 2027
ISBN 978-5-04-252753-1

Аннотация

Шесть историй от любимых авторов «Драмионы» приглашают окунуться в ту самую зиму, которую мы ждем весь год: со снегом за окном, огнями на улицах, теплом рождественских вечеров и ощущением, что в эти дни даже самое невероятное может стать реальностью. Здесь вас ждут долгожданные встречи, заветные желания, любовь и маленькие чудеса, которые случаются именно тогда, когда их меньше всего ожидаешь.

«Не влюбляйся до Рождества» – коллекционное издание с иллюстрациями лучших художников «Драмионы», созданное специально для тех, кто хочет не просто прочитать любимые истории, но и сохранить их атмосферу. Эксклюзивное оформление с тиснением фольгой, сияющим лаком и запечатанными форзацами, а также двенадцатью вклейками превращают книгу в особенный подарок к Новому году.

Содержание

Марина Белинская 6
Акт 1 7
Акт 2 30
Акт 3 44
IsForGood 53
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Ирина Тис, Ева Эндерин, Марина Белинская, Мария Мун, IsForGood, Vasise

Не влюбляйся до Рождества

Сборник

* * *

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2027

Марина Белинская
Снежный океан

Акт 1

За неделю до Рождества погода разгулялась – почти каждый день шел снег, начинаясь редким падением снежинок утром и заканчиваясь бурной метелью к ночи. Так что желания выходить на улицу у жителей графства абсолютно не было. Все сидели по домам, наслаждаясь зимой, сидя в мягких креслах у теплых каминов.

Но где-то, несмотря на разгар снегопада, Рождество только подступало.

Один из особняков, приближаться к которому боялись все дети графства, лишь начинал готовиться к празднику. Но невзирая на страх, красота этого дома всегда привлекала жителей: массивное поместье из идеального белого камня с огромными витражными окнами и коваными воротами. Рядом простирался изысканный двор с покрытыми снегом кустами, всевозможными декоративными фигурами и даже маленьким замерзшим озером.

Порой взрослые, рискнувшие подойти к особняку, поговаривали, что видели его владельцев. Они задорно смеялись, катаясь на коньках и бросаясь снежками. Но люди не верили, что это правда. Хозяином был небезызвестный Энтони Вейл, наследник семьи, построившей этот дом несколько столетий назад.

Личностями Вейлы были скрытными, молчаливыми и не

общающимися ни с кем поблизости. Так что о смерти всех, кроме самого Энтони, соседи узнали не сразу. Зато они быстро заприметили новоиспеченную миссис Вейл. В отличие от мужа, она одним своим присутствием излучала свет и тепло.

Доброжелательная улыбка, мелодичный убаюкивающий голос и звонкий смех.

Одетта, а именно так звали миссис Вейл, была на голову ниже своего мужа. Ее каштановые волосы волнами струились по спине, заворачиваясь в кудри, а яркие карие глаза внушали доверие. Она постоянно улыбалась, отчего мягкие черты ее лица становились еще более притягательными. Лишь раз оказавшись в обществе Одетты, окружающие хотели остаться в нем навсегда.

Возможно, именно это и привлекло флегматичного Энтони в ее объятия. Стоя рядом с ней, он казался полной противоположностью. Коротко стриженные белые, словно снег, волосы всегда были идеально уложены. Холодные серые глаза походили на промерзший лед. А острые черты лица внушали каждому, кто оказывался рядом, желание поскорее убраться подальше.

Они были разными, словно тепло и холод. Возможно, именно поэтому казались окружающим немного странными. Но при этом идеально символизирующими Рождество.

Разгар теплого и уютного праздника посреди снежной ледяной бури.

– Что ты делаешь? – спросил Энтони.

Он стоял посреди гостиной поместья, скрестив руки на груди и наблюдая за Одеттой. Она находилась на предпоследней ступени шатающейся лестницы. Перед ней была коробка с огромными красными шарами, которые она аккуратно развешивала на пушистой ели.

Повернувшись, Одетта тепло улыбнулась.

– Украшаю дом, – ее мелодичный голос эхом отскакивал от стен поместья. – Скоро Рождество, так давай впустим праздник!

Она смотрела на него пару минут, ожидая реакции: восторгов, криков, злости или ненависти – чего угодно. Однако его лицо оставалось таким же холодным и безразличным. Сердце кольнуло. Одетта поджала губы, стараясь сохранить тень радости, но безуспешно.

Выдохнув, она повернулась обратно к елке. Лестница неприятно скрипнула под ее весом, и Одетта слегка покачнулась, но удержалась. Взяв следующий шар, она взглянула на него, видя отражение собственной печали. Прежняя радость испарилась, ее вымученная улыбка вызывала сочувствие и тоску. Одетта ощутила, как глаза закололо от накатывающих слез.

– Мне кажется, игрушки стали тусклыми, – заметила она, делая короткий шаг вбок, чтобы дотянуться до дальней ветки.

– Под стать хозяину, – ровным голосом ответил Энтони.

Он не язвил, не смеялся, не злился. Ничего. Словно созданный изо льда монстр, не способный на человеческие эмоции. Одетта моргнула, глаза наполнились слезами, и она не поняла, как следующий шаг стал для нее роковым.

Всего одно движение. Звучный скрип лестницы. И вот она уже летела на кафельный пол.

Однако удара не последовало: уже в следующую секунду зажмурившаяся Одетта оказалась прижата к крепкому мужскому телу. Сильные руки удерживали ее, а она машинально обнимала Энтони за плечи, рвано вдыхая воздух. Воздух, пропитанный крепким черным чаем и древесиной. *Его ароматом.*

Подняв веки, Одетта посмотрела на Энтони. Глаза, где некогда был холод, сейчас отдавали толикой страха. В доказательство тому руки Энтони слишком сильно сжимали ее кожу, словно боясь, что она вот-вот разобьется.

Хватило мгновения, чтобы внутри Одетты разгорелась надежда. Вера, что она еще может вернуть Энтони, которого любила всем сердцем. Ведь именно он сейчас удерживал ее в руках и смотрел почти так же, как раньше.

Тепло разливалось по ее телу медленной волной, улыбка сама вырисовывалась на лице, а горло першило от желания кричать. Без сомнений, это был бы крик радости и искреннего счастья, ведь Энтони вернулся. Он снова рядом с ней в том же облике, с теми же чувствами и эмоциями, что были до злополучного зелья.

Но надежды Одетты разбились в ту же минуту, что и появились. Взгляд Энтони вновь обрел оттенок серого холода, руки стали более расслабленными, а ощущение, что она ему безразлична, вернулось, оседая тяжелым камнем на душе.

– Я видела их. Ненадолго, но они появились, Энтони. – Она улыбалась. – Это надежда.

– Не строй иллюзий, – его голос звучал словно лезвие, перерезающее горло.

– Но ты спас меня, значит, я для тебя что-то значу.

Он фыркнул и опустил ее. Каблуки со скрежетом скользнули по кафельному полу, а Энтони поправил одежду. Он часто так делал, когда не был готов ответить в ту же минуту. *Выигрывал время.*

– Или у меня нет желания возиться с твоим трупом, – пожал плечами Энтони и развернулся, собираясь уйти.

Одетта схватила его за руку и потянула на себя.

Ему всегда нравился их контакт кожа к коже, он чувствовал удовлетворение от того, что она хочет к нему прикасаться. Но это перестало быть таковым в ту ночь, когда его эмоции скрылись за непробиваемой стеной безразличия.

– Они были там, Энтони. Я видела, что они готовы вернуться.

Одетта шагнула ближе, врезаясь в его тело и жадно глотая воздух.

– Давай постараемся, пожалуйста, – умоляла она, поглаживая его по щеке и ощущая легкую щетину. – Я скучаю по

тебе.

– Прекрати пытаться превратить чудовище в принца, Одетта, – грубо произнес Энтони и перехватил ее руку.

Он сильно сжимал запястье, словно желал сломать кости под кожей и причинить ей как можно больше боли, чтобы она наконец-то ушла. Вечная борьба чувств и разума испарилась, когда человечность была разбита, а рассудок начал ломать все, что могло ее вернуть. *Ирония, но Одетта стала врагом его мыслей, пытаясь достучаться до сердца.*

– Энтони, ты же не такой. – Ей было все равно на сковывающую боль, и она потянулась к нему второй ладонью. – Нам нужно постараться вернуть их, пожалуйста, не отталкивай…

Он перехватил второе запястье. Его большие ладони умудрялись держать обе ее руки, хоть она и не сильно сопротивлялась этому. Словно кукла, Одетта стояла и надеялась, что однажды он к ней вернется, что на его лице проскользнет ухмылка и слуха коснется искренний смех. Одетта болела верой в то, что чудовище станет тем, кого она любит.

– Кто сказал, что я хочу вернуть прошлого себя, Одетта? – нарочно скучающе произнес он. – Мне не нужен слабак, способный испытывать влечение к тебе.

– Это говоришь не ты! – крикнула она. – А то, что от тебя…

Одетта осеклась и замолкла, понимая, что начала рушить защиту, которую так старательно возводила.

– Продолжай, – он злорадно ухмыльнулся.

Не по-настоящему. Наигранно. Одетта знала, что его подобное не радовало, он не мог ощущать веселье, однако понимал, что это может помочь ему избавиться от нее.

– То, что от меня осталось, Одетта. Ты пытаешься вернуть к жизни давно мертвое, – отчеканил он ей в лицо.

Энтони резко оттолкнул Одетту, и она едва не упала, он даже бровью не повел. Было видно: он погубил ту кроху волнения о ней, которая прорвалась несколько минут назад из-за завесы равнодушия.

– Рано или поздно это обязано дойти до твоего несчастного мозга, – он фыркнул. – Поэтому помни, что двери дома всегда открыты для твоего ухода.

С этими словами Энтони ушел прочь.

Она слышала постепенно удаляющиеся шаги, пропадающие вместе с человеком, которого она любила. Одетта знала, что ее Энтони скрывается где-то далеко, во тьме поместья, которое успело стать ее адом, раем и превратиться в чистилище, где ее душу ежедневно разрывало на части. С каждым днем Одетта видела все меньше ее любимого человека и все больше чудовища, когда-то проклятого самим собой.

Это произошло почти год назад. В тот вечер Одетта снимала рождественские украшения, забирая у дома остатки праздничного настроения. Массивные гирлянды и еловые ветви уже давно лежали в одной из кладовок, а сейчас из интерьера уходили последние крохи ярких цветов.

Фигурки Санта-Клаусов, сидящих на полках в библиотеке. Венки, висящие на входных дверях и некоторых окнах. Игрушки, которые Энтони воровал с елки, чтобы спрятать в разных частях дома. Все это летело в массивную коробку, которую в следующем году Одетта будет с причитаниями разбирать.

Финишем ее путешествия за игрушками стала приоткрытая дверь из темного дерева, из которой доносился сладковатый запах какао. Покачав головой, Одетта поставила коробку на один из столиков в коридоре и вошла в лабораторию. Там, стоя под часами, стрелка которых перевалила за полночь, был Энтони.

Довольно ухмыляясь, он стоял над небольшим котлом, от которого валил густой пар. Сквозь него Энтони почти не было видно, хоть его белоснежные волосы и выделялись на фоне темных стен. Тех, которые Одетта знала так хорошо, что ни одно теплое воспоминание не смогло умерить ее ужас.

С момента, как они стали здесь жить, Энтони всеми силами старался превратить особняк в место, которое можно назвать домом. И у него почти получилось. Одетта чувствовала себя хозяйкой этого белоснежного замка, где развешивала картины, выставляла цветы и взбивала подушки. Но лаборатория была пространством, где Орден Алхимиков ставил над ней опыты.

И хоть он был давно уничтожен, не без участия самого Энтони, это место все равно наводило на нее страх. И даже

стоящие рядом чашки какао не уменьшали его.

– Уже поздно, – улыбнулась Одетта, плечом упираясь в дверной косяк.

Она провела ладонью по своему предплечью, внимательно наблюдая за взбудораженным Энтони. Его глаза горели желанием, улыбка светилась на лице, а руки подрагивали от волнения и предвкушения.

– Почти, Одетта, почти, – пообещал Энтони, продолжая вливать в котел ингредиенты.

Она любила смотреть на то, как он увлечен. Приготовление зелий поглощало Энтони, становясь сродни искусству. И в такие моменты наследник Ордена Алхимиков исчезал. Уже не было темных коридоров, ржавых решеток и клетки, из которой не существовало выхода. Лишь наслаждение, упоение и азарт в глазах цвета снежного океана.

Зелья Энтони пользовались спросом, а его магазин процветал. Казалось, он вобрал в себя лучшее от древних алхимиков и обычных людей. Поэтому хотел искупить вину Ордена перед теми, на ком ставили бездушные опыты. Но лишь немногие знали, почему он выбрал именно такой путь после падения собственной семьи.

Их смерть определенно имела значение, как и исправление последствий вековой тирании, но Энтони волновало клеймо на предплечье. Буква «А» выжигалась на коже всех наследников, как напоминание об их великой цели – поиске эликсира бессмертия. И с момента падения Ордена она не

давала ему покоя.

А особенно сильно это обострилось, когда в его сердце и постели оказалась Одетта. Энтони ненавидел себя за то, что его тело украшал знак чудовищ, ставивших над ней опыты. Поэтому он особенно тщательно работал над зельями – Энтони искал способ избавиться от клейма.

И с тех пор, как он начал, прошло уже несколько лет, на протяжении которых результатов практически не было. *Но пугало не это, а сам Энтони.* Каждый его план казался абсурднее предыдущего, а новая идея зловеще походила на одну из прежних, но с другими ингредиентами. Энтони издевался над алхимией, над природой и искусством зельеварения в попытке свести чудовищную отметину.

Требовала ли этого Одетта? Нет, ни разу. Ей все равно, кем он был и что делал. Для нее был важен лишь ее Энтони: заботливый, внимательный, грубый настолько же, насколько и нежный. *Человек, с которым она хотела провести остаток жизни.* Одетте всегда было безразлично, что украшало его предплечье, но для него это стало делом принципа и чести.

Вдруг послышался хлопок, словно что-то разлетелось на тысячи осколков. Одетта стремительно подошла к столу, где уже стоял довольный Энтони, переливающий в пробирку сваренное зелье.

– Всегда переживаю, что ты можешь отравиться, – выдохнула она, вставая рядом и разглядывая алую жидкость.

Энтони опустил руку на талию Одетты, притягивая ее к себе. Она ощутила его дыхание на лице, прежде чем он накрыл ее губы своими. Она скользнула ладонью выше по его рубашке, большим пальцем поглаживая щеку и отвечая.

– В следующий раз тебя поцелует уже новый я, – прошептал он и притянул к себе склянку.

Одетта наблюдала, как жидкость исчезала, а на лице Энтони проступала улыбка. Настолько счастливая, что казалось, будто он изобретал эликсир бессмертия, а не избавлялся от клейма. И это определенно было бы для него равноценно. Одетта знала, что значила для Энтони гораздо больше, чем могла увидеть или прочувствовать. И она понимала: он верил, что, избавившись от клейма, сможет полностью перечеркнуть любые дурные воспоминания.

Энтони взглянул на свое предплечье и тихо зашипел. Одетта опустила глаза на место, где была выжжена буква «А», и от удивления приоткрыла рот. Клеймо действительно исчезало. Медленно выцветало на бледной коже до мгновения, пока она не стала чистой. Словно на ней никогда не было злополучной буквы.

– Получилось, – Одетта улыбнулась и прикоснулась к его предплечью, невесомо проводя пальцами.

Энтони положил свою ладонь поверх ее, взглянул ей в глаза, и она увидела, как радость плещется на серой радужке. В следующее мгновение он подхватил ее за талию и закружил по лаборатории. А спустя секунду вновь притянул к се-

бе, покрывая ее губы множеством поцелуев.

Энтони. Ее дорогой и любимый Энтони наконец-то был счастлив. Или отлично таковым казался…

На следующее утро все изменилось. Проснувшись в желанных объятиях, Одетта обернулась к Энтони. Она придвинулась к нему, едва ощутимо коснулась его губ своими и заметила, как затрепетали его ресницы. Одетта жаждала снова увидеть его лучезарную улыбку или услышать шутку, но Энтони не выглядел счастливым.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросила она.

В любимых и родных ее сердцу глазах Одетта замечала многое. Дерзость, наслаждение, нежность, любовь, но в тот день она наблюдала в них нечто пугающее. Именно так смотрели охранники ее клетки, когда на опытах запирали Одетту в подземельях, – безразлично.

– Странное чувство, – пробормотал Энтони и сел на постели. – Возможно, от зелья.

Он говорил это спокойным, ровным тоном. И кого-то другого это бы не побеспокоило, но не Одетту. Она слишком привыкла, что рядом с ней Энтони был иным, не таким, как со всеми: ярким, взбудораженным, увлеченным. Да, с окружающими он предпочитал держать дистанцию, надевать маску безразличия и ничего вокруг не замечать, но не с ней. А сейчас Одетта чувствовала, что он смотрит на нее так же, как на любого другого человека. *И это ее пугало.*

В тот же самый день она вернулась в его лабораторию, что-

бы забрать последнюю украденную им игрушку. Сквозь заледеневшие окна проступал холодный свет, когда Одетта вошла в комнату и обнаружила тусклую звезду, медленно покачивающуюся над столом. На мгновение Одетте показалась, что она, как и Энтони, стала другой.

Пройдя к столу, Одетта потянулась и сняла игрушку с прикрепленной лампы. Прижав звезду к груди, улыбнулась и уже собралась уйти, как заметила нечто красное внизу. Наклонившись и заглянув под стол, Одетта увидела розу.

Яркий бордовый бутон на тонком стебле без шипов слегка парил над полом в том месте, где зрела алая капля.

Вчерашнее зелье.

В тот момент Одетта еще не понимала почему, зачем и для чего, но она коснулась розы, забирая ее вместе с игрушкой себе. Тогда, уже на выходе из лаборатории, Одетта оглядела комнату и явственно почувствовала произошедшее.

Казалось, оттуда ушла жизнь.

И вот, почти через год после этого, Одетта стояла в гостиной и осознавала, что с каждым днем Энтони становился иным.

Она была уверена: лишенный нравоучений чувств разум побеждал. Одетта слишком долго была с Энтони и знала, что собственное сознание уже уверило его, что он больше не способен быть тем, кого Одетта любила, и поэтому она должна уйти. Сотни, если не тысячи раз Энтони заявлял, что уже не

помнит, каково это – ощущать мир душой, а не разумом. По этой причине он поставил себе цель: прогнать ее или поставить в условия, где она сдастся.

Но Одетта верила: оправдывать нежелание видеть человека заботой о нем – это лишь повод. Дело было в другом.

Разум мечтал жить без сердца, поэтому избавлялся от тех, кто мог вернуть все обратно.

И так Энтони Вейл в погоне за уничтожением клейма потерял чувства, отдав победу рассудку. По его рассказам, когда-то он действительно был готов прийти к этому. Он всем сердцем мечтал лишиться их и проклял это желание, когда обрел смысл существования.

Одетту.

Раньше он много рассказывал о своей любви. О том, как захотел просыпаться по утрам, невинно шутить, отпускать двусмысленные намеки, и все это ради ее улыбки. А теперь он чувствовал целое ничего.

Некогда любимая Одетта стала для него очередным призраком родительского дома. Из любимой девушки превратилась в тень, которая действовала ему на нервы своими попытками вернуть былое. В то злополучное утро они поменялись местами. Теперь она старалась сотворить невообразимое, как он когда-то – влюбить ее в поместье.

Но сегодня он боялся. Ровно на мгновение испугался. И на эти несколько секунд прошлый Энтони оказался здесь. С ней.

В голове Одетты это было равносильно маленькой победе в большой войне.

Несколько месяцев она предпринимала отчаянные меры, чтобы вывести его на эмоции и добраться до чувств. Но каждая попытка отдавала щемящей болью, когда он наигранно смеялся, убеждая ее сдаться.

Глубоко вдохнув, Одетта быстро направилась в свою спальню. Проходя по лестнице, она цеплялась за оплетенные еловыми ветвями перила и теряющие цвет шишки. Казалось, что даже Рождество пострадало от зелья. Словно жизнь, а чувства были для Одетты синонимом этого слова, уходила из дома, оставляя лишь пустоту.

Это их любимый праздник, все самое важное и теплое так или иначе было связано именно с ним. Одетте казалось, что Рождество способно вернуть Энтони, но оно умирало вместе с ним.

Добравшись до своей комнаты – теперь они с Энтони спали в разных, – Одетта вошла и взглянула на подоконник. Роза парила над ним, крутясь вокруг собственной оси. Листья, те, что еще не опали, медленно наливались цветом.

Его эмоции снова возвращались в цветок. Значит там, внизу, это действительно были они.

Надежда заставила Одетту подойти к розе и осмелиться пересчитать количество лепестков. Их оставалось чертовски мало. Настолько, что Одетта не была уверена, хватит ли до Рождества. Следом взгляд опустился на сам подоконник,

где лежали уже опавшие, превратившиеся в переливающийся хрусталь листья.

Именно так роза и погибала, бережно храня чувства Энтони. Одетта узнала это в одной из многочисленных книг алхимической библиотеки, расположенной в доме. Роза была сосудом на случай, если он сможет их вернуть. И как только последний лепесток станет хрустальным и опадет – все будет кончено.

Это пугало и одновременно давало Одетте надежду. Именно по этой причине она пыталась, зная, что еще может. Но времени оставалось совсем немного.

Перед ней вновь возник взгляд Энтони, когда он ее поймал.

Потрясение. Его чувства ненадолго вернулись из-за этого… Он любил ее, и самое страшное, что может с ним сейчас произойти, – ее смерть. Ведь ради нее он сделал все, даже разум посчитал бы это за поражение.

В голову Одетты стали закрадываться мысли, предположения и пугающая уверенность, что она знает, как вернуть Энтони. Он всегда приходил, когда она в нем нуждалась, и Одетта была готова сделать для него именно это.

Ее первое Рождество в особняке Вейлов проходило не то чтобы празднично. Да, Энтони постарался вдохнуть в их жизнь счастье и веселье. Он украсил поместье, придомовую территорию, даже слепил несколько снеговиков. Но искрен-

не улыбаться там, где над ней ставили опыты, у Одетты не получалось.

Поэтому ее жизнь в этом месте ощущалась как призрачное существование. Все время она старалась проводить как можно дальше от злополучного поместья. И если осенью это не вызывало проблем – погода была приветливой, – то зимой ее прогулки за пределами дома походили на попытки самоуничтожения.

Одетта поежилась и обняла себя, осматривая окрестности здания, где не желала находиться даже минуты. Оно угнетало и напоминало об ужасах, которые она здесь пережила. Казалось, что над ее ухом до сих пор звучали голоса алхимиков, записывающих, сколько боли она способна вытерпеть.

К несчастью, ее болевой порог был очень высок.

Одетта вздрогнула, когда поверх пальто опустился теплый плед, а тяжелые руки погладили ее плечи. Ароматы черного чая и древесины окутали ее, и она слабо улыбнулась. Рядом оказался тот, ради кого она была готова вытерпеть все кошмары, только бы он оставался рядом.

Энтони встал за ее спиной, его ладони скользнули по бокам, между руками и талией, затем сомкнулись на ее животе, притягивая ближе к широкой груди. Следом подбородок опустился на ее плечо, и он жадно втянул морозный воздух.

– Ты так быстро ушла из дома, что я посчитал, будто ты меня бросаешь, – наигранно возмутился Энтони. – Обычно женщины находят своих партнеров гораздо краше после пе-

реезда в дорогие особняки.

Она засмеялась и отрицательно качнула головой. Руки Одетты легли поверх его ладоней, отдавая собственное тепло его холодному телу.

На дворе был сочельник, мороз окутывал кожу, но она продолжала пылать от чувств, что поселились внутри. Ни одна зима, метель или сугробы не могли потушить ее горящее от любви сердце.

– А, точно, – притворное озарение. – Ты никогда не была обычной.

– Мистер Вейл, вы непревзойденный льстец, – цокнула языком Одетта.

– Будто тебе это не нравится, – усмехнулся Энтони.

Она развернулась, уже готовая признаться в своих страхах, попросить его уехать отсюда обратно в ее квартиру. Но Одетта мгновенно встретилась с тем, перед чем никогда еще не могла устоять. Глаза цвета снежного океана внимательно ее рассматривали, они блестели от счастья – безудержного чувства, которое Энтони желал с ней разделить.

Она поймала себя на мысли, почему его взгляд напоминал ей океан, над которым парят снежинки. Всему виной было первое официальное свидание, случившееся в этом же дворе.

Орден только-только был уничтожен, Энтони редко возвращался сюда, восстанавливая дом и пытаясь вдохнуть жизнь в место, где всегда обитала смерть. И одним из первых

его решений было сделать из озера, куда сливали неудавшиеся зелья, небольшой личный каток. Он знал, как Одетта любила кататься. Очистив воду, он дождался, пока мороз сделает свое дело, а потом привел ее туда.

Но он не думал, что она убедит его ступить на лед вместе и попробовать покататься. Возможно, Энтони стоило отказаться, но, видимо, он был настолько переполнен счастьем от ее радости, что согласился. Неизвестно, сколько раз он упал и какое количество синяков осталось на теле. Но в один момент, когда он снова рухнул на лед, глядя в небо, Одетта приземлилась на колени рядом, поставив руки по обеим сторонам от его головы.

И в то мгновение, смотря то на лежащие поверх заледеневшего льда снежинки, то в глаза Энтони, она поняла, как две картины похожи. Это была глубокая синева, разбавляемая блеском белоснежного снега.

– Одетта, если ты хочешь воспользоваться мной ради поцелуя, – он улыбнулся, – то пауза неприлично затянулась.

– Наглец, – она легко ударила его в грудь.

Энтони перехватил ее ладонь, прижимая к своему телу. Туда, где билось сердце. А после прильнул к ее губам – мягким, немного потрескавшимся от мороза, но таким необходимым ему.

Он признался ей, что был готов терпеть любой дискомфорт, лишь бы ощущать невинную робость ее поцелуя, легкие касания, чувственное придыхание и видеть блеск в ка-

рих радужках.

– Раз уж моя репутация непоправимо испорчена, – трагично произнес Энтони, – на прогулку тебя придется все-таки украсть.

Он повернулся к ней боком, предлагая локоть, она улыбнулась и обернула руку вокруг него, вторую убирая в карман пальто. Так они вместе пошли по улочкам зимнего сада, разглядывая окрестности, над украшением которых Энтони здорово постарался.

Здесь можно было встретить и фигурку саней с упряжкой оленей, и ели, покрытые снегом и украшенные блестящими белыми шарами. Даже огни – Одетта все еще не понимала как, – простирались над их головами многочисленными цветными фонариками. Они играли на лице Энтони, разукрашивая его белоснежные волосы и освещая дорогу через покрытые изморозью цветы. Одетта не знала, чем именно их обрабатывали, но даже в канун Рождества они все еще были живыми.

Это давало ощущение жизни там, где Одетта чувствовала лишь смерть. Словно этот особняк не принадлежал Ордену Алхимиков, стремящихся к обретению бессмертия. Будто здесь располагался их с Энтони дом, полный праздничной суеты. Особенно в этом помогали снеговики, выстроенные в шеренгу в виде слова «Рождество»

Одетта рассмеялась, рассматривая многочисленные шарфы, связанные ею, но слишком уродливые, чтобы их носить.

Теперь все они принадлежали улыбчивым снеговикам с пуговицами вместо глаз и очищенными морковками там, где предположительно был нос.

– Пора в дом, – вдруг произнес Энтони.

Одетта посмотрела вперед.

Перед ними возвышались огромные массивные ворота редкой красоты. Казалось, они были сделаны изо льда: такие же утонченные, практически прозрачные, и каждый узор на них, как на снежинках, не повторялся. Даже ворота при входе на территорию поместья не были настолько изысканными и впечатляющими.

Впрочем, в отличие от этих, на тех не висели увесистый замок и цепь.

– Разве мы не пойдем туда? – Одетта кивнула на ворота в надежде еще немного оттянуть момент возвращения в особняк.

– Ты не захочешь увидеть, что по ту сторону, – предостерег ее Энтони.

Она скрестила руки и встала напротив него, вопросительно выгнув бровь. Несколько мгновений Энтони внимательно смотрел на нее, но, видимо, быстро понял, что без ответа уйти не удастся.

– Орден ставил эксперименты не только на людях, но и на животных, – выдохнул он. – Все порождения их больного рассудка находятся за этими воротами и ждут, пока правительство решит, что с ними делать.

Одетта учтиво кивнула и вновь посмотрела на ворота. Она чувствовала, что готова шагнуть даже туда, только бы не возвращаться в поместье вновь. Каждый день Одетта проходила дверь в то самое подземелье, где ее пытали, и, даже лежа в кровати с Энтони, ощущала сковывающий страх, что проснется в клетке.

– Скоро моя выдержка закончится, и я все-таки спрошу, что тревожит тебя, – предупредил он. И коснулся пальцами ее подбородка, заставляя смотреть на себя.

– Это…

– …имеет значение, – прервал ее Энтони. – Все, что касается тебя, имеет значение. Что нужно сделать, чтобы убрать это похоронное выражение с твоего лица?

Она тихо рассмеялась.

– Если бы это было так просто, – она покачала головой. – Мне страшно здесь, Энтони. – Одетта поджала губы. – Но я справлюсь, обещаю тебе, – пообещала она и взглянула на его серьезное лицо. – Я не хочу, чтобы ты покидал место, которое для тебя стало памятью о семье. Мне всего лишь нужно немного времени, чтобы преодолеть…

– Прекрати.

Энтони шагнул к ней, беря ее лицо в свои ладони. Его горячее дыхание опалило кожу, и Одетта вздрогнула от прилива тепла.

– Ты никогда не будешь преодолевать что-то одна, слышишь меня?

Она коротко кивнула.

– Я с тобой, Одетта. Навсегда. И я сделаю все, чтобы ты была счастлива, чего бы мне это ни стоило.

Тогда Одетта так и не заставила его отказаться от дома. Непоколебимость, с которой он был согласен это сделать, не позволила ей уехать. Он был готов для нее на слишком многое, чтобы она этим воспользовалась. Но сейчас, смотря на оставшиеся лепестки роз, которых хватит едва ли до Рождества, Одетта собиралась сделать именно это.

Однако нечто, щемящее в груди ощущением неправильности, не позволяло ей пойти настолько радикальным путем. Мозг стремительно искал другие варианты, то, что сможет разбудить утраченные чувства Энтони.

Одетта поджала губы и кивнула сама себе. Она попробует пойти иным путем, но, если шансов не останется, сделает то, что обязана, чтобы вернуть Энтони обратно. Даже если это будет слишком дорого стоить.

Акт 2

Когда-то Энтони пообещал Одетте, что сделает ее счастливой, и насмешка судьбы заключалась в том, что, приняв зелье, он нарушил эту клятву. Ведь в борьбе, которая началась после исчезновения клейма, Одетта сражалась без него. И к тому моменту, когда она рухнула с лестницы в его руки, Энтони перестал считать ее многочисленные попытки вернуть его обратно. Но попытка, что рисовалась перед ним сейчас, определенно стоила внимания.

Еще несколько минут назад Энтони сидел в тишине одной из гостиных. В камине мирно потрескивало пламя, языки которого отражались в игрушках близстоящей елки. Одетта постаралась вдохнуть в дом чувство праздника, и, если бы у Энтони осталось что-то, кроме пустоты в душе, он бы наверняка был в восторге. Но все, что он ощущал, глядя на светящиеся огоньки, еловые ветки и рождественские фигурки, – желание поскорее прибраться.

После лишения чувств Энтони испытывал небывалую легкость. Его практически ничего не беспокоило и не волновало. Абсолютно весь мир разделился на черное и белое. Среднего – не дано, точно так же, как и другого цвета. Были лишь «да» и «нет». Он не размышлял о том, как лучше поступить, не руководствовался совестью или собственными чувствами – жизнь казалась для него очень непринужден-

ной, словно приготовление простецкого зелья.

Разум давно пытался взять над ним верх, но на этом пути вставала Одетта, а точнее, то, что Энтони питал к этой девушке. Она неделями сопротивлялась Ордену, вводящему ей одну дозу зелья за другой, и не сломалась. Но вместе с этим все так же смотрела на окружающих их жестокий мир с почти ощутимыми благоговением и надеждой.

Поэтому, услышав ее мелодичный голос, Энтони сразу понял, что она пришла продолжить борьбу.

– Энтони, – нежно и невинно произнесла она.

Он взглянул на источник звука.

– Как это обычно называют? – задумчиво произнес он. – Ах да. Достаешь козыри?

В карих глазах показался торжествующий блеск. Одетта точно была довольна новым ходом в своем арсенале, а Энтони надеялся, что он не сработает. Хотя, смотря на это с точки зрения стратегии, Энтони считал, что она действовала правильно. Одетта пыталась напомнить ему, почему нужно бороться за чувства.

Сейчас она стояла перед ним в платье цвета припорошенного снегом океана. Ткань глубокого синего оттенка была словно покрыта искрящимся сахаром, переливающимся в свете языков пламени из камина. На губах играла хитрая улыбка, а волосы волнами струились по спине.

Энтони подарил ей это платье на второе совместное Рождество, мечтая станцевать в огромном зале, принадлежав-

шем только им. Но в ту ночь ему пришлось отправиться в лабораторию, готовить антидот для умирающей женщины. Одетта его простила, а он пообещал, что в следующий раз не упустит возможность станцевать с ней.

И сколько бы раз после они ни вальсировали, на скольких бы приемах ни были – он больше никогда не видел на ней именно этого платья. И сейчас она достала его, чтобы он вспомнил эти моменты с особенной точностью. Так, чтобы внутри него проснулись потерянные чувства.

– Ты потанцуешь со мной? – Она склонила голову набок, и Энтони услышал тихую музыку.

Если когда-нибудь мне представится возможность станцевать с тобой, я ее не упущу.

Очередное обещание, которое он не исполнил.

Энтони встал с кресла и медленно подошел к ней, осматривая с ног до головы и чувствуя еле ощутимое тепло, зарождающееся глубоко в душе. Той ее части, что была скрыта за тоннами льда. Тому Энтони, запертому за стеклом, хотелось закружить Одетту в танце, снова услышать ее смех и почувствовать улыбку сквозь желанный поцелуй. Но сейчас здесь стоял совершенно другой Энтони.

– Мне не до твоих детских забав, – сухо произнес он.

Еще раз осмотрев Одетту, Энтони хмыкнул и уже собирался уйти, когда она схватила его за руку и прижалась к нему. Ее пальцы мгновенно переместились к его лицу, мерно поглаживая щеку с едва заметной щетиной. Полными на-

дежды глазами Одетта глядела на него.

– Почему ты не пытаешься? – спросила она, и Энтони увидел скапливающиеся слезы. – Мы должны вернуть то, что было.

– Я ничего тебе не должен, – сквозь зубы произнес он. – И убери от меня свои руки.

Энтони отмахнулся, а Одетта отшагнула. Она прижала ладонь, которой еще мгновение назад гладила его щеку, к груди. Так, будто он обжег ее. И Энтони хотелось, чтобы это оказалось правдой. Может быть, хоть так она уйдет.

– Раньше тебе нравились мои прикосновения, – тихо произнесла она.

– Когда ты прекратишь считать, что все еще можно исправить? – устало спросил он.

Но Одетта не слушала, она вновь попыталась дотронуться, но теперь Энтони отшатнулся.

– Мне это не нужно, – заверил он ее и пригнулся, чтобы посмотреть в карие и когда-то любимые глаза. – *Ты* мне больше не нужна. Смирись с этим, и станет проще.

Последние слова он едва не выплюнул. Несколько секунд Одетта глядела на него, а потом заплакала. И где-то на границе души тот, другой Энтони, взревел, мечтая прижать ее к себе и успокоить. Но тот, кому теперь было подвластно тело, просто стоял и смотрел. Единственное, о чем он думал, – когда она уже сломается?

– Вот в чем дело, да? – Истеричный смешок сорвался с ее

губ. – Тебе проще. Разумеется! – Одетта развела руками. – Зачем вообще испытывать чувства, если они могут не отвечать твоим желаниям!

– Неужели мы заговорили на одном языке? – постарался зло улыбнуться Энтони.

Она глядела на него, и в ее глазах, несмотря на слезы и боль, была надежда. Ту, что Энтони не сумел уничтожить.

Одетта снова попыталась к нему подойти, но он слишком сильно толкнул ее, и она рухнула на пол. Вскрик звучал всего одно мгновение, но его было достаточно, чтобы сердце кольнуло. *Его сердце.* Но Энтони подавил это, снова запер «стеклянную дверь в чувства» и сказал то, что должен был, перед уходом.

Он сделал шаг, не наклоняясь, не пытаясь показать, что он рядом. Напротив. Энтони возвышался над сидящей на полу Одеттой, закрывая собой свет камина. Он обязан был быть чудовищем, чтобы она от него ушла. Чтобы она не вернула то, без чего ему так легко жилось.

– Ты самое бесполезное, ненужное и лишнее, что только есть в этом месте. Единственное, чего я хочу, – чтобы ты ушла.

Энтони говорил спокойно, равнодушно, так, чтобы она понимала – ему это дается без особого труда. Ее боль для него ничто, как и она в целом. Рассудок хотел страданий Одетты. Ждал, пока она отвернется и уйдет, поэтому делал все, чтобы каждая ее попытка заканчивалась кошмаром.

После платья и приглашения на танец Энтони считал, что Одетта если и вернется, то очень не скоро. И ошибся. Буквально через три дня она снова оказалась рядом, предпринимая очередной ход. На этот раз – в его спальне.

Ночь уже опустилась на окрестности, морозный воздух холодом скользил из приоткрытого окна вместе с музыкой. С приближением Рождества найти тишину становилось все проблематичнее. В городе повсюду были праздничные товары, на углах улиц пели песни, а Санта-Клаус восседал почти в каждом крупном магазине.

Энтони надеялся, что хотя бы дома сможет спрятаться от этого. Но стоило ему открыть окно, а это было необходимо из-за духоты, как он слышал бродящих по округе людей. Они промышляли рождественскими забавами, а именно ходили от одного дома к другому и очень громко пели песни. Настолько, что даже несмотря на отдаление поместья, Энтони прекрасно слышал их.

Он не знал, сколько пролежал в постели, но как только перестал слышать голоса и уже решил, что сможет уснуть, дверь открылась. Одетта не постучалась, не спросила, можно ли войти, и даже не заглянула перед тем, как оказаться в комнате. Она вальяжной походкой вошла внутрь, с напускным бесчувствием осматриваясь вокруг.

– Энтони, – скучающе произнесла она.

Осмотрев ее с ног до головы и убедившись, что на Одетте

не было и клочка одежды, он выдохнул. Еще бы год назад его восхищение смешалось с удивлением, ведь Одетта представала обнаженной лишь в их постели и ванной. Поэтому видеть, как она нагая заходила в комнату без тени стеснения, было в новинку. Хоть и не вызывало ничего, кроме возбуждения тела.

– И чувство собственного достоинства окончательно тебя покинуло, – констатировал Энтони. – Ты так по всему дому прошлась?

– Разумеется, – произнесла она и сделала несколько шагов ближе к кровати, упираясь коленями в край матраса. – Хочу, чтобы все слуги были в курсе, насколько жалок их хозяин в роли мужа.

– Брак с тобой – нежелательный аспект моей биографии. – Он поправил одеяло. – И я завтра же его исправлю.

Думал ли он о том, что уничтожал собственную жену все это время? Нет. Ведь брак подпитан чувствами, а если их нет, причины вспоминать о его существовании у него не было. Впрочем, Энтони планировал расторгнуть их договор сразу же после ее ухода из поместья. Именно так рассудок это оправдывал.

На деле же внутри Энтони всегда боролась та часть, что хотела вернуть чувства, и Одетта была ее последней надеждой. Сердце было почти мертво, но подавало признаки жизни.

– Но сегодня ты все еще мой муж и должен исполнять, – ее

язык словно не поворачивался сказать то, что она задумала, щеки стали розоветь, – супружеский долг.

Это была одна из тех мер, на которые она бы не пошла в здравом уме, но Энтони сам ее подтолкнул. Он знал, что тело и душу Одетты разрывало от тоски по прежней версии Энтони. Она была в отчаянии.

– Ты же не думаешь, что…

Переступая через последнюю толику гордости, Одетта приземлилась на кровать, усаживаясь на его бедра и вновь смотря в глаза.

– До чего ты опустилась, – фыркнул он. – Готова лечь под того, кто пытается тебя уничтожить, ради чувств того, кто этого никогда не заслуживал?

– Мой Энтони заслуживает всего, что я для него делаю. – С этими словами она положила руки на его грудь.

– Наверное, тебе невероятно жаль, что он больше никогда этого не оценит, да? – Он вопросительно выгнул бровь.

Одетта проигнорировала вопрос и прижалась своими губами к его. Это не был приносящий удовольствие поцелуй, подстегивающий ответить. Всего лишь прикосновение. Полная пустота и никакой отдачи.

– Не сработало? – равнодушно спросил он, когда она отстранилась.

Она смотрела на него своими большими карими глазами, полными боли и сожаления. Энтони видел, что Одетта держалась из последних сил, пытаясь победить в этой битве. Но

она была слишком истощена отсутствием успеха. По щекам покатились слезы. Разум ликовал: она вновь позволяла себе плакать перед чудовищем, который уничтожал ее душу, потому что не имел своей.

Одетта легко ударила его по груди, а потом еще раз и еще, опуская голову и всхлипывая. Обнаженная, заплаканная, брошенная и потерянная – вот кем она на самом деле была. И почему разум так отчаянно ее боялся?

– Верни его. – Она захлебывалась в собственных слезах. – Умоляю, верни его обратно ко мне. Я скучаю…

Он перехватил ее запястья, сильно сжимая и не позволяя больше совершать удары. Заведя их ей за спину, отчего Одетта выгнулась грудью вперед, Энтони заглянул ей в глаза.

– Я думал, почему ты так рвешься вернуть прошлого меня. И знаешь, нашел объяснение, – произнес Энтони. – Как ты любишь, глубокое и чувственное.

Он вырыл ее могилу и собирался на ней танцевать.

– Мы оба никому не нужны. Ты сирота, лишившаяся последнего после попадания в Орден. А все мои близкие мертвы, – размышлял он. – На этой почве мы и остались вместе после всего, ведь так? Нам не к кому было пойти за чувствами, кроме друг друга.

– Прекрати…

– Неудобная правда, не так ли? Теперь ты знаешь, что человек, который пытается вернуть тебя в прошлое, невероятно мешает спокойно жить. – Он отпустил ее руки.

Одетта прижала запястье к груди, потирая их. Возможно, он сжимал кожу слишком сильно, но Энтони это мало заботило. Он продолжал:

– Ты осталась одна: никому не нужная, всеми забытая, бедная маленькая Одетта, – прошептал он и откинулся на спинку постели. – Поэтому пытаешься вернуть «его». Тебя раздражает, что я больше не обременен человеческими чувствами.

Склонив голову набок, он наблюдал за ее реакцией. За опустошенным взглядом человека, который смотрел в глаза врагу и пытался не казаться проигравшим, хотя изначально пришел в этой роли.

Одетта ему не ответила. Она поджала губы, встала и направилась к выходу. Когда Энтони бросил последнюю фразу, он не знал, услышала ли ее Одетта, но очень на это надеялся:

– Могу сварить и тебе зелье от чувств.

Одетта сидела в своей спальне и смотрела на переливающиеся за окном фонарики. Светясь зеленым и красным, они простирались по всему саду, освещая скульптуру запряженных саней и белоснежные шары на припорошенных снегом елях.

В этом году не было снеговиков или ледяных статуй. Никто не катался на коньках. Не звучал безудержный смех. Они не гуляли по двору, бросая друг в друга снежки, и не составляли рождественский план, которому никогда не следовали.

Были огни, украшения, замысловатые игрушки и снег. Но ничего из этого не придавало ощущения праздника. Иронично, но когда-то, сидя в маленькой квартире спустя несколько недель после уничтожения Ордена и справляя Рождество в одиночестве, Одетта чувствовала больше праздника, чем сейчас.

У них тогда не было елки – основную их часть разобрали еще до праздников. Поэтому Одетта довольствовалась парой веток, скрепленных между собой странно пахнущим зельем. Энтони уверял, что теперь разделить их сможет только другое его варево, так что до наступления Рождества их сконструированная елка не должна развалиться.

– Я успел! – послышался голос Энтони из коридора.

Одетта повесила на ветку еще одну игрушку, несколько секунд следила за тем, чтобы «елка» не рухнула, и лишь после поднялась и направилась к Энтони. Оказавшись рядом, она улыбнулась, заметив на нем колпак Санта-Клауса. Он криво сидел на голове, а кончик и вовсе упал назад, создавая ощущение, что у Энтони просто странная шапка.

– Забрал последний, – заявил он, притягивая ее коробку. – У нас есть пирог.

Одетта взглянула на упаковку, пальцами проводя по названию.

– Вишневый, – кивнула она.

– Да, – сказал он и улыбнулся. – Вишневый.

Одетта поставила коробку на стол рядом и плечом упер-лась в стену, внимательно смотря на Энтони. Тот, уверенный в своем успехе, даже не сразу поймал на себе недоверчивый прищур Одетты.

– Что-то не так? – Он повесил пальто и медленно подошел к ней.

– У меня аллергия на вишню, – сообщила она.

Мгновение ужаса и паники на его лице были настолько искренними, что она не смогла сдержаться, чтобы не засме-яться. Поняв, что его обманули, Энтони тут же набросился на нее, подхватывая на руки и кружа по заставленной коробками квартире.

– Играешь на моих чувствах к тебе, – заметил он и прищу-рился, смотря ей в глаза, но не отпуская. – Это очень грязный ход.

– Училась у лучшего, – проговорила она ему в губы и по-целовала.

От прикосновения его холодной кожи к ее теплой дрожь заструилась по телу, приятной истомой оседая в груди и оку-тывая жаром, словно пледом. Сильные руки Энтони сжима-ли ее талию, пока он притягивал ее к себе, улыбаясь сквозь поцелуй.

Одна его ладонь соскользнула с ее тела, и послышались щелчки. Энтони жал на выключатель. Тогда Одетта отпря-нула и поджала губы, виновато опуская глаза к полу.

– Лампочек нет, – ответила она.

Руки Энтони расслабились, отпуская ее. Одетта нервно улыбнулась и, схватив его за запястье, провела вглубь квартиры, где развесила гирлянду.

– Зато у нас есть фонарики. – Она указала на развешанные по камину зелено-красные огоньки.

– У нас есть фонарики, – усмехнулся Энтони и приобнял ее.

Они опустились на пушистый ковер перед горящим камином. Жар обдал их лица, а теплота друг друга согрела кожу. Одетта положила голову на плечо Энтони и прикрыла веки, наслаждаясь тем, что они вместе.

– А ты боялся, что будет не то, – проговорила она, смотря, как пляшет огонь.

Энтони крепче стиснул ее плечо, оставляя на макушке короткий поцелуй. Он заботливо обнимал Одетту, да так сильно, словно боялся, что ее прямо сейчас у него отберут. Но Одетта знала – ужасы закончились. Теперь они вместе, на дворе Рождество, и хоть вокруг была заставленная коробками квартира, на ужин пирог, а вместо елки пара веток, это ощущалось как счастье.

– Пообещай, что каждое Рождество теперь будет таким, – произнесла она.

– В старой квартире на ковре? – недоверчиво уточнил Энтони.

– Нашим, – поправила она. – Только ты и я. Навсегда.

– Только ты и я. Навсегда, – вторил он ее словам, стягивая

плед с рядом стоящего кресла и укрывая обоих.

Теперь у нее были десятки елок, горели лампочки, постоянно подавался горячий ужин. Но вместо объятий любимого человека – бесчувственное чудовище, мечтающее от нее избавиться. И хуже всего то, что, возможно, оно было право. Одетта скучала по своему Энтони, потому что больше никого другого у нее не было. А возможно, потому, что никто иной и не был ей нужен.

Она посмотрела на последний лепесток розы, постепенно превращающийся в хрусталь. Время вышло. На дворе был сочельник. А это значило, что у нее всего один шанс добраться до чувств Энтони, прежде чем он окончательно их потеряет.

Акт 3

Как это ни парадоксально, но Энтони действительно делал для нее все. Даже будучи чудовищем, он умудрялся ставить ее интересы выше своих, пытаясь выгонять и уничтожая морально. Разумом Одетта понимала, что все его слова продиктованы не ненавистью, он больше не был на нее способен. Энтони терзал Одетту, потому что понимал: она его не заслуживала. Она не должна жить бок о бок с чудовищем без чувств и носить с ним одну фамилию. Поэтому он прогонял ее, поэтому пытался оттолкнуть, но не учел, что Одетта тоже была готова ради Энтони на все.

На поместье Вейл опускалось Рождество, где-то вдали слышались музыка и детский смех, но Одетта не обращала на это внимания. С высоко поднятой головой, так, чтобы Энтони заметил ее из окна гостиной, где сидел, она шла по зимнему саду. Снег неприятно скрипел под ногами, снежинки опускались на каштановые волосы, несколько раз она чуть не упала. Яркие огни, которыми она восхищалась, слепили, а сани с оленями перегородили дорогу.

Казалось, все вокруг останавливало Одетту от нового шага в направлении злополучных ворот с чудовищами. Но Одетта, подстегиваемая отчаянием и болью, двигалась вперед, надеясь успеть до того, как последний лепесток разобьется о подоконник.

Замерев перед воротами, которыми еще несколько лет назад она восхищалась, Одетта огляделась. Теперь окрестности поместья и их хозяин стали одним целым – зимний сад был красив и холоден, несмотря на горящие фонарики и рождественские украшения. Симпатичная оболочка с пустотой внутри, такой же, что царила в Энтони.

Выдохнув, Одетта вернула внимание к воротам. Она нервно облизнула губы, ощущая, как их покрывает мороз, и каждые несколько секунд оглядывалась. Одетта надеялась, что прямо сейчас он прибежит и спасет ее. Она верила, что страх заставит его чувства проснуться, но Энтони все не шел. Судьба злорадно смеялась в лицо Одетты.

– Я справлюсь, – выдохнула она и выудила из кармана пальто украденную в лаборатории склянку.

Подойдя к замку, Одетта открыла ее и пролила содержимое на чугунные цепи. Хватило нескольких секунд, чтобы они вступили в реакцию с зельем. Дым повалил вверх, плавя единственное, что защищало этот мир от живущих внутри чудовищ.

Одетта снова оглянулась. Но там все еще никто не стоял. Лишь красивый в своей пустоте сад со слабым оттенком Рождества.

Цепи с характерным звуком рухнули в снег. Подул холодный ветер. Одетта толкнула ворота и шагнула внутрь. Каждую секунду ей приходилось напоминать себе, что другого выхода нет, что она должна пойти на все, только бы спасти

Энтони. Она верила, что он пойдет за ней, что спасет, что случится чертово рождественское чудо. Это был их любимый праздник, с ним связано столько теплоты и любви, что он просто не мог не стать знаменем спасения.

Покрытая кромкой льда дорога скользила, когда Одетта ступала на нее. Страх окутывал царящей вокруг тьмой. Колени подгибались, дрожь била тело, но Одетта шла вперед. Энтони спасал ее из клеток, с операционных столов, от собственной семьи. Находил и приходил на помощь. И сейчас сможет, нужно лишь немного подождать. Совсем чуть-чуть.

Мороз пронизывал насквозь. Казалось, что в этой небольшой и скрытой за воротами территории было в тысячу раз холоднее, чем в остальном поместье. Будто бы Энтони пытался уничтожить созданий здесь таким климатом, возможно, так оно и было.

Одетта замерла, увидев перед собой змеиную голову размером с ель, стоявшую в главной гостиной. Желтые глаза монстра были открыты, а чешуя покрылась льдом. Оно не дышало и не двигалось. И Одетта впервые в жизни была рада чьей-то смерти.

Чуть поодаль она увидела остальную часть змеи, обглоданную до костей. Кто-то явно питался ею уже не один день. Одетта отшатнулась и услышала хруст. Зажав рот ладонью, чтобы не вскрикнуть, она опустила глаза и поняла, что наступила на кости. А уже в следующую секунду услышала тихий рык.

Одетта замерла, продолжая прикрывать рот рукой и мечтая провалиться сквозь снег. Она чувствовала, как нечто живое прожигало ее спину взглядом. Страх морозом рассекал душу, заставляя сердце колотиться в груди.

Глубоко вдохнув и зажмурившись, Одетта стала вспоминать Энтони. Его улыбку в их первое Рождество, как они сидели у камина и наслаждались тишиной квартиры. Их поход на каток, когда она учила его держаться на льду. Их прогулки по заснеженному саду и совместное украшение поместья.

Он всегда рядом. Он придет за ней.

Подняв веки и продолжая слушать, как снег хрустит под весом чудовища, Одетта оглянулась. Перед ней стоял изуродованный белый волк. Пасть его была открыта, а с почерневших десен капала слюна. Налитые кровью глаза смотрели прямо на Одетту, словно оценивая, на сколько хватит ее тела.

Энтони придет за ней. Он уже здесь. Он скоро будет.

Волк оскалился и снова зарычал. Его острые зубы лезвиями выглядывали из пасти. Одетта нервно сглотнула и шагнула назад, наступив на очередную кость и заскользив. Ладони пронзила боль от холодного снега, когда она рухнула в сугроб.

Существо бросилось вперед, Одетта зажмурилась, уже не веря, что сможет спастись. И тут прозвучал выстрел. Клацанье зубов послышалось в нескольких дюймах от ее лица, а следом волк заскулил.

Одетта открыла глаза и увидела стоящего чуть дальше Энтони. В его взгляде смешались страх, беспокойство и неописуемая злость. И этого было достаточно, чтобы Одетта слабо улыбнулась.

Он снова чувствовал, он снова был с ней.

И лишь когда эта мысль пробежала в голове Одетты, она поняла, что тонет во тьме сознания. Мир перед глазами поплыл, а снег укутал ее в ледяные объятия.

Она больше не чувствовала холода и морозного воздуха. Не слышала завывания ветра и рычания зверя. Перед ней была светлеющая тьма, и когда Одетта открыла глаза, то поняла, что лежит в своей спальне. Быстро заморгав, она приподнялась на локтях, обнаружив, что одета в темно-голубую пижаму и укрыта несколькими пледами.

В комнате было светло. Бросив взгляд на окно, Одетта поняла, что сейчас утро, а главное, не увидела розы и ее осколков на подоконнике. Поджав губы, Одетта отбросила пледы и села на постели. Ноги почти сразу коснулись меховых тапочек, которые она там не ставила.

Радость медленно закручивалась в душе, вызывая на лице предвкушающую улыбку. Одетта прижала ладонь к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Обувшись в тапочки, она тут же направилась к выходу, а потом по многочисленным коридорам поместья в главную гостиную. Она почти не замечала горящих повсюду ламп,

расставленных по столикам Санта-Клаусов и расшитых рисунками оленей подушек на креслах. Одетта неслась в место, где всегда встречала рождественское утро. Туда, где ее должен был ждать Энтони.

Вылетев на лестницу и быстро перебирая ногами, Одетта добралась до изножья елки, под которой стояли яркие коробки с подарками. И не только они. Казалось, все вокруг наполнилось цветом, «выкрученным» на максимум. Никаких тусклых игрушек или редеющих веток. Только разноцветные украшения и пушистая ель. А рядом Энтони.

Он стоял и осуждающе смотрел на нее, скрестив руки на груди. Одетта нервно усмехнулась и медленно подошла к нему, глядя в глаза.

– Ты самая безрассудная, сумасшедшая… – начал он отчитывать ее.

Но Одетта не слушала. Приблизившись вплотную, потянулась к его лицу и положила ладонь на идеально выбритую щеку. Нежно проводя по ней пальцами, она видела, как Энтони слегка прикрыл веки, наслаждаясь прикосновением кожа к коже.

Он снова любил ее.

– Никогда больше так не делай, – прошептал он, обхватывая и привлекая к губам ее ладонь.

Он оставил легкий поцелуй на костяшках пальцев и крепко сжал руку. Веки все еще были опущены, а опаляющее кожу дыхание прерывисто. И Одетта прилагала все силы, что-

бы не обнять его за шею и не прижаться ближе. Она знала, что ему нужно время, хотя бы еще немного, чтобы привыкнуть к тому, что он чувствовал. К тому, что снова любил ее.

– Спасибо, что спас мне жизнь, – тихо проговорила она.

Энтони открыл веки. Глаза цвета снежного океана смотрели на нее. Полные нежности и стыда. За последнее она была готова его ударить. Ей было все равно, умрет она за теми воротами или нет, оставалась ли она на волосок от смерти и чем это могло закончиться. Одетта жила мыслью, что он снова с ней. Ее дорогой и любимый Энтони, который глубоко внутри уничтожал сам себя. За нее.

– Ты же просила, чтоб я нашел себе хобби, – его губы изогнулись в улыбке.

Одетта была уверена, что сияет. Настолько ясным было бурлящее солнечное чувство в ее груди. Оно словно отращивало крылья, готовое прямо сейчас взмыть к потолку от переполняющего восторга. И Одетта не могла нарадоваться, что снова ощущала это. Опять рядом с Энтони.

– Теперь будешь спасать прекрасных дам? – Она прищурилась.

Ее ладони легли на его запястье и потянули их на себя. Прикосновения Энтони к талии, даже сквозь ткань пижамы, ощущались уютным жаром, что разгорался от каждого вздоха.

– Одну, – произнес он.

Его ладони скользнули на спину, и Энтони рывком при-

жал ее к своей груди.

– Прекрасную.

Голос стал тише, он пригнулся к ее лицу.

– И абсолютно точно мою.

Он коснулся ее губ своими. В робком, нежном, совершенно не похожем на прежние поцелуе. Казалось, что Энтони боялся этого шага, словно она прямо сейчас выскользнет и сбежит от него, вспомнив все, что он с ней делал. Одетта понимала это, потому что знала Энтони.

– А теперь мы забудем это недоразумение. – Она указала сначала на свои губы, потом на его. – И ты поцелуешь меня так, будто никогда не отпустишь.

Энтони пару секунд смотрел на нее, боясь решиться, и этот страх треском отдавал в груди.

– Я намеренно делал тебе больно, – с сожалением произнес он.

– Помню. – Кивнула она. – И ты будешь искупать это до конца своих дней.

Он горько усмехнулся.

– А сейчас, – заявила она, – я не позволю тебе снова решать, могу ли я остаться.

Несколько секунд он смотрел ей в глаза, словно не веря в то, что слышал, и не считая, что заслуживает ее прощения.

– Ты плакала из-за меня, – снова напомнил он.

Одетта тяжело выдохнула.

– А еще я смеялась, – она пальцами провела по его шее

вверх, – радовалась, – она коснулась его подбородка, – засыпала в твоих объятиях и чувствовала себя самой счастливой на свете.

Приподнявшись на носках, она приблизилась к его лицу и хитро улыбнулась.

– И боже тебя упаси этого меня лишить.

Она взглянула на его губы, следом снова в глаза и произнесла:

– Поцелуй меня, Энтони. Поцелуй так, как целовал всегда, – шепотом приказала Одетта.

И тогда он сдался.

Подавшись вперед, он снова коснулся ее губ своими. Нежность сменилась требовательностью, пальцы сжали кожу, а жадность, с какой он дотрагивался до нее, дурманила рассудок. *Проигравший рассудок.*

Одетта вбирала в себя каждое мгновение, каждый отблеск рождественской лампочки в его волосах, каждый прерывистый вздох, позволяющий ей заметить омелу под потолком и каждый взгляд ясных глаз, где читалась любовь.

Это и правда было рождественское чудо.

IsForGood
Рождественское чудо

– Ты точно справишься?

Джеймс обеспокоенно посмотрел в глаза своей подруги, подмечая, как напряжены ее плечи и рассеян взгляд.

Она не боялась. Нет. Это нечто совершенно другое.

Тайна, которую она бережно хранила в своем сердце на протяжении долгого времени.

Пять лет.

Пять противоречивых, болезненных, спорных, тяжелых и убийственных лет.

– Конечно, справлюсь.

Она старалась говорить небрежно, словно бы новое поручение для нее ничего не значит. Делала вид, что справиться с ним проще простого, хотя ее сердце, огорошенное новостью начальства, замедлило работу еще несколько недель назад.

– Грейс.

Джеймс сделал шаг, касаясь ее плеч и заставляя поднять глаза. Скорее всего, он хотел увидеть в них твердую уверенность, прочитать четкий план, который она наверняка уже успела выстроить и разбить на подпункты.

Но увидел другое.

Таким взглядом Дженкинс награждала его в те дни, когда они были подростками и учились вместе, ввязываясь в сомнительные авантюры, что вели к провалу. Но даже тогда Грейс не опускала руки, продолжая двигаться вперед, выискивая необходимое решение. В глазах была надежда,

а в голосе звучала необходимая им уверенность. Но сейчас очевидно, что в ее голове образовался вакуум, наполненный полнейшей растерянностью и страхом, от которого сковывало все мышцы, мешая нормально думать. Подталкивая к единственному простому выходу – сдаться.

– Я в порядке, Джеймс, – она сделала усилие, чтобы улыбнуться и выглядеть при этом естественно.

Ей очень нужно, чтобы Джеймс поверил. Чтобы его обеспокоенные глаза не преследовали ее остаток дня. Чтобы она знала, что друг не примчится среди ночи, оставив Вирджинию дома одну.

Ей очень нужно, чтобы он ей поверил.

– Я могу попросить, чтобы это поручили кому-то другому.

– Кому?

– Да кому угодно, – отчаянно воскликнул он, запуская руку в волосы.

– И какой в этом смысл?

Она вымученно улыбнулась, глядя другу в глаза.

– Грейс, тебе ведь придется общаться с ним.

– И что? Он ведь не монстр, и ты сам это прекрасно знаешь.

– Не в этом дело. – Джеймс опустил голову, будто ему стыдно от того, что Грейс восприняла сказанную им фразу в подобном контексте.

– А в чем?

– Это может быть неудобно. Мы слишком хорошо его зна-

ем.

– А может, как раз наоборот?

– Наоборот?

– Может, мы *его* совсем не знаем?

Между ними повисло молчание, от которого тут же захотелось избавиться. Оно неуютное, вызывающее чувство стыда и неловкости.

– Джеймс, до Рождества две недели. С него снимут надзор и…

И…

Грейс была не в силах закончить фразу. Она осеклась на полуслове и тут же начала нервничать.

Ей неведомо будущее. Она даже примерно не могла предположить, что последует за этим самым «И…».

И это сбивало с толка, выбивая почву из-под ног и воздух из легких.

Две недели.

У нее будет две недели, чтобы выяснить ответ на этот вопрос.

– В общем, увидимся в понедельник, Джеймс. – Она быстро подошла к другу и обняла его за плечи, а потом подхватила свою сумку, начиная двигаться к выходу.

– В понедельник? Разве ты не придешь к нам на ужин в субботу?

– Извини, я очень устала за этот месяц. Мне правда нужно немного отдохнуть.

Джеймс кивнул, и Грейс хотела верить в то, что он ее понял. Что он не разгадал тот наитупейший план, который она успела выстроить в своей голове. Он просто не мог. Ведь она не давала ни единого намека, старалась не проговориться, к тому же вела себя более чем естественно. По крайней мере, очень надеялась на это.

Грейс пересекла длинный коридор, зашла в лифт, чтобы оказаться в главном холле, а затем воспользоваться такси и попасть домой. Нужно успеть переодеться, закончить все приготовления и отправиться в место, от которого каждому человеку хотелось держаться подальше.

Ровно в семь часов вечера тюрьму покинет *Томас Мартин.*

И ей поручили присмотреть за ним несколько недель. Убедиться в том, что он больше ничего не натворит, встав наконец на правильный путь. Подобные задания давно стали для Грейс чем-то обыденным. Организация, в которой она работала, опекала бывших заключенных на первых порах. Так что Дженкинс отлично была знакома со всей процедурой: от освобождения нарушителя и приветствия его до рукопожатия в последний день. Все ее действия давно были доведены до автоматизма, и она мастерски справлялась с любой непредвиденной ситуацией.

Вот только Грейс Дженкинс еще никогда так сильно не нервничала, ожидая уже бывшего заключенного у выхода из самого жуткого и холодного места на Земле, глядя на кото-

рое жить больше не хотелось. Конечно, любые тюрьмы внушали страх. Но только от этой липкий холод полз по позвоночнику, пуская жуткие мурашки по телу.

Переступив порог своей небольшой квартиры, Грейс бросилась на кухню, покормила кота, а затем помчалась на второй этаж, чтобы принять душ.

Натянув удобные джинсы, свитер и любимую куртку, доходящую до середины бедра, Грейс завязала волосы в высокий хвост и вышла из спальни. Перед тем как спуститься вниз, она еще раз заглянула в комнату для гостей, понимая, что еще есть немного времени для того, чтобы отказаться от этой затеи.

Вот только она убедила себя в том, что пути назад нет.

Или просто потому, что она этого *хотела,* делая себя самой извращенной мазохисткой в мире.

Прибыв в место назначения за пятнадцать минут до положенного времени, Грейс подписала все нужные документы и получила небольшой бумажный пакет с личными вещами Мартина.

Почему-то их выдавали тому, кто будет присматривать за освобожденным, а не человеку, которому они по праву принадлежали. Это было правилом, которое никогда не нарушалось.

Оставалось семь минут. Грейс стояла у стены, нервно постукивая пяткой по холодному и шершавому полу, вслушиваясь в тихое эхо, доносящееся со всех сторон.

Ее сердце сильно колотилось, и она то и дело всматривалась в дальний конец коридора, боясь пропустить момент его появления. Губы начало саднить, потому что Грейс никак не могла прекратить покусывать их, рискуя в скором времени ощутить привкус крови.

Она резко выпрямилась, услышав звук металлического засова.

Работник этого жуткого места шагал впереди. Его кожа была морщинистой и бледной. Он немного сутулился и каждые несколько секунд заправлял длинные грязные волосы за уши, но они все равно продолжали падать ему на глаза.

Грейс вздохнула, набираясь смелости перевести взгляд. И когда это мгновение наступило, ее поразило диким зарядом тока. Казалось, яркая молния не вовремя разбушевавшейся стихии угодила ей прямо в голову, сбивая дыхание и останавливая сердце. В таких случаях практически невозможно выжить, но каким-то образом ей это удалось. Потому что Грейс продолжала стоять на месте вполне живая и здоровая. Старалась прийти в себя, тогда как Мартин приближался, и она не должна была показывать ему свою растерянность. Ей нужно было оставаться профессионалом.

Томас Мартин провел за решеткой практически семь месяцев. Чуть больше двухсот дней кошмара, одиночества, холода и безнадежности. Конечно же, это сказалось на его внешнем виде. Лишь на нем, потому что Мартин продолжал держать спину прямо, словно только что покинул тронный

зал, а не продуваемую ветром камеру, где есть лишь каменные стены, неудобная кровать и пол.

Его лицо осунулось, поэтому некоторые черты стали немного острей. Волосы отросли, но это его совсем не портило. Его руки были в ранах и запекшейся крови, на шее виднелись пятна грязи. Ему не дали одежду, в которой он был до того, как его посадили. Так что сейчас он стоял в робе заключенного. Старой, потертой и засаленной серой ткани, прорвавшейся в некоторых местах.

Грейс не знала, испытывает ли он стыд или же какое-то иное из возможных чувств, потому что его глаза ничего не выражали. Пустота, от которой хотелось пустить себе пулю в висок.

Охранник подвел Мартина к Грейс и, не проронив ни слова, развернулся, уходя прочь, перед этим неразборчиво что-то хмыкнув.

Вот и все, они остались наедине.

Слишком быстро.

Слишком резко.

– Мартин.

– Дженкинс.

Его голос звучал как прежде. Он был таким, каким она помнила его в школе. Грейс продолжала смотреть ему в глаза, опасаясь заметить там презрение, которым он награждал ее каждый раз, когда они пересекались.

Каждый раз за исключением того, когда они виделись в

последний раз. Тогда его посадили за решетку, посчитав виновным. Общество обвиняло его в грехах, в которых на самом деле был виновен его отец.

– Тебя проинструктировали по поводу дальнейших действий?

– Дерьмовые инструкции, подразумевающие то, что я должен тихо сидеть на одном месте в течение пары недель. Вшивые работники твоей дерьмовой организации не меняются: такие же тупые, как и прежде. Думают, что если я на протяжении четырнадцати дней не свяжусь со старыми дружками, то я встал на путь исправления? – фыркнул он в свойственной ему манере, смотря при этом в сторону, а не на нее.

– А это не так?

– Вероятно, узнаешь не раньше, чем истекут дни надзора, Дженкинс.

Он слегка наклонил голову набок, и его язык прошелся по внутренней стороне щеки. Грейс держалась из последних сил, чтобы снова не начать кусать губы.

– Может, сразу скажешь о своих намерениях? И если ты собираешься связаться, как ты сказал, со своими старыми приятелями, то, может, просто развернешься и вернешься в камеру?

– Это будет слишком просто, не находишь?

– Это упростит мне жизнь.

– Сомневаюсь, – он вновь усмехнулся, и ее парализовало. – Ведь ты могла отказаться от курирования, но ты этого

не сделала. И это лишь подтверждает мои слова.

Почему он продолжал быть таким невыносимым?

Почему он продолжал загонять ее в угол, а она позволяла это делать?

Почему она продолжала стоять на месте, демонстрируя свою нерешительность во всем?

– Твои вещи, – она не хотела отвечать на предыдущую реплику, поэтому поступила весьма по-взрослому, проигнорировав ее.

Он изменился, когда обхватил небольшой измятый бумажный пакет своими длинными и перепачканными пальцами. Грязь смотрелась на его теле чужеродно, и Грейс могла лишь догадываться, как велико желание Мартина поскорей оказаться в душе.

Ей показалось, что на какое-то короткое мгновение его рука немного дрогнула. Но он быстро взял эмоции под контроль. Заглянув в бумажный пакет, Мартин тут же смял его, отчего лицо исказилось от отвращения. Грейс уже пожалела, что не посмотрела внутрь, потому что теперь ей вряд ли удастся узнать, что там было.

– Мы долго будем здесь торчать? – процедил Мартин сквозь зубы, одаривая Грейс злобным взглядом.

Она снова не ответила. Молча развернулась и двинулась в сторону двери, поднимая воротник пальто, зная о том, что снаружи бушует ветер.

Его волосы растрепались, как только они оказались на

улице. Мартин швырнул полученный пакет прямо в урну, а затем отвернулся, сделав вид, что никогда не держал его в руках.

– Что?

В ее сознание врезался его голос. Резкий, громкий, слегка раздраженный.

– Что было в пакете? – она должна была рискнуть, потому что любопытство как всегда брало верх.

– Не твое дело, Дженкинс.

Серую одежду заключенного трепал ветер. Грейс была в пальто – и то ежилась от холода. Мартин же был практически раздет.

– Нужно ехать.

Она была благодарна, что здесь ветер и плохая слышимость. Так Мартин мог не уловить дрожь в ее голосе, не заметить, как дрожали пальцы, когда она вытянула левую руку вперед, открыв дверь такси, на котором сюда приехала. Не попроси она водителя подождать, они с Мартином могли бы провести на улице около часа, прежде чем новая машина появилась на горизонте.

– Как скажешь, надзиратель.

Он сделал шаг вперед. Но затем немного помедлил, осматривая чистый салон авто. Грейс видела, как сжались его челюсти. Но Мартин ничего не сказал. Лишь вцепился пальцами в дверцу машины, а затем проскользнул внутрь, слегка задев локтем ее руку. Тело тут же покрылось по́том от того

жара, который прошелся от кончиков ушей до самых пяток. Грейс позволила себе помедлить три секунды, а потом велела сознанию сосредоточиться. После этого она и сама сделала шаг, усаживаясь рядом с ним и закрывая дверь.

Ветер больше не трепал волосы, не пронизывал насквозь. По сравнению с тем жутким штормом, в небольшом и заснеженном проулке тихого района Лондона было вполне спокойно и даже тепло.

Мартин быстро выбрался из такси, осматриваясь по сторонам. Грейс позволила себе заострить внимание на его профиле, отмечая, что его челюсти по-прежнему плотно сжаты.

– Куда теперь? В какой-то жалкий приют для таких безнадежных, как я?

– Нет.

– А куда? Раскошелишься и снимешь мне дешевую гостиницу, которая сможет посоревноваться с камерой в тюрьме? А что? Мне ведь нужно привыкать к убогой жизни. Семейный особняк отобрали, наследства лишили. Иного пути не остается.

– Я собиралась предложить тебе свой дом.

Она старалась говорить четко, сжимая руки в кулаки в карманах пальто. Грейс была уверена, что это было самой сложной частью выстроенного ей плана.

Страшно было произносить эти слова. И так же страшно было ждать его ответа. Или же наблюдать за тем, как меня-

лось выражение его лица.

Мартин рассмеялся.

Громко, немного устрашающе.

Грейс непроизвольно сделала шаг назад, едва не впечатавшись в стену. Если бы рядом проходил кто-то из людей, на них бы точно обратили внимание.

– Серьезно, Дженкинс? Это предложение звучит еще более жалко, чем подачки твоего начальства.

– Тогда оставайся жить в этом переулке, тебе все равно больше некуда идти! – не выдержала она, срываясь. Нервы были натянуты до предела, а голова начинала кружиться от того напряжения, в котором Грейс находилась последние недели. С тех пор, как ей официально поручили присматривать за *ним*.

– А Рид как? Не против такого соседства?

Этот вопрос немного дезориентировал. Заставил щеки заливаться румянцем, за который тут же становилось стыдно.

– Я живу одна, – Грейс уверенно подняла голову, повторяя тот самый жест, каким всегда пользовалась на уроке, когда знала правильный ответ.

– А малыш Чарльз переживет, что в твоем доме не нашлось места для него, но нашлось для меня?

– Ты собираешься стоять здесь и обсуждать этот вопрос? Или наконец сдвинешь свою задницу и зайдешь в теплый дом, где есть все условия для комфортного проживания. Это, конечно, не твой шикарный особняк, но что-то мне подска-

зывает, что ты не горел бы желанием туда возвращаться, если бы даже имел возможность. Да и разве велика разница, где жить? В грязном переулке или же в доме паршивой заучки, от вида которой тебе хочется выцарапать себе глаза? Или тебе все еще противна даже мысль о том, чтобы дышать со мной одним воздухом, а, Мартин? По крайней мере, у меня ты будешь скрыт от посторонних взглядов.

Когда Грейс договорила, то увидела что-то в его глазах. Как будто та броня, которую Мартин так старательно выдерживал все это время, пала, позволяя лицезреть то, что раньше разрешено было только ему. Но это длилось всего секунду. Пустота быстро вернулась на место.

– Веди, – спокойно произнес он, предпочитая больше не спорить и даже не повышать тон.

Она не знала, чем была вызвана такая перемена настроения и поведения. Но вместо того, чтобы продолжать спор, Грейс поправила воротник пальто и зашагала вперед.

Мартин не догонял ее, но она чувствовала, как он шагает позади, прожигая ее затылок своим взглядом. Ей было сложно не поворачиваться, а идти все дальше, стараясь как можно быстрей добраться до входной двери.

Грейс зашла в небольшой коридор, боковым зрением замечая, что ее кот выбежал навстречу. Но застыл, увидев незнакомца, и поэтому поспешил скрыться в гостиной.

Она придержала дверь, пропуская Мартина вперед. Грейс никогда не считала свою квартиру идеалом чистоты, но в

контрасте с одеждой Мартина все вокруг словно бы блестело, как после недавно проведенной уборки.

Он стоял на месте, пока Грейс закрывала дверь, разувалась и снимала пальто. Она нарочно медлила, потому что нужно было снова завязывать разговор.

– Справа кухня, слева гостиная. В конце коридора есть туалет. На втором этаже две спальни, одна из них будет твоей. У каждого своя ванная комната. Ты ведь не против, если я выброшу то, во что ты сейчас одет? – проговорила она на одном дыхании.

– Нет.

Односложный и короткий ответ. Тихий, едва слышный.

Лучше бы он кричал и ругался.

– В холодильнике есть еда, я заказала ее в ресторане. Бери, что хочешь.

– Мне нужно в душ.

– Конечно. Твоя комната наверху справа. В шкафу есть кое-какая одежда. Я… Ну, я смогла взять часть вещей, которые находились в твоем доме…

Мартин двинулся вперед, не давая ей договорить. Грейс молча наблюдала за тем, как он поднимается по лестнице. Кот вышел из своего убежища и так же смотрел вслед гостю, с которым им предстояло жить на протяжении двух недель, а еще и скрывать это от друзей.

Она сумасшедшая, раз все-таки решила воплотить свой план в реальность. Нужно было отвести его в приют, как де-

лали коллеги. Ведь Грейс бессовестно соврала Мартину, когда сказала о том, что жилье организацией не предоставляется.

Это было так глупо: хотеть заботиться о том, кто тебя ненавидит.

Грейс медленно добрела до кухни и включила чайник. После холодного тюремного коридора она ощущала лишь озноб, словно бы внутренности покрылись коркой льда. Хотя встреча с Томасом Мартином так же не принесла ей тепла.

Он появился на кухне спустя сорок минут. Чай в кружке Грейс был практически нетронутым. К тому же она едва не опрокинула напиток себе на ноги, потому что резко подскочила, когда Мартин возник в дверном проеме.

Его волосы были еще влажными, и теперь более отчетливо виделось, насколько они отросли. Черные брюки и темный свитер по-прежнему хорошо на нем сидели, несмотря на то что Мартин сильно похудел.

– Что тебе разогреть? – она нервничала, будто это был не ее дом и прямо сейчас именно она находилась в гостях.

– Я не голоден.

– Не говори ерунды, Мартин.

– Ты не моя мамочка, Дженкинс. – Его руки оказались в карманах брюк, и сейчас он выглядел точно так же, как и в школьных коридорах, только был намного ближе к ней. – Мне нужны лист бумаги и ручка.

– Зачем?

Он оставил вопрос без ответа, только лишь наклонил голову набок, начиная сканировать Грейс взглядом, отчего ей становилось неуютно.

– В гостиной, на моем столе.

Мартин молча развернулся и вышел, едва не споткнувшись о кота, который так внезапно выбежал навстречу.

– Чертов кот.

– Не смей так говорить о Голди, – Грейс и сама не заметила, как понеслась следом за Мартином.

Внутри нее начало бурлить раздражение, подталкивая вперед. Сейчас у нее было точно такое же желание, как и на предпоследнем году обучения в школе – врезать этому заносчивому индюку как следует. И было бы прекрасно, если бы на его физиономии остался синяк, глядя на который Грейс могла бы гордиться собой.

– Может, прикажешь ему поклониться?

– Не неси бред, Мартин! – Она замерла на пороге комнаты, наблюдая за тем, как Томас шарит по столу и берет необходимые ему вещи. – Совсем не так я себе это представляла.

У нее опускались руки. Силы постепенно покидали ее, и внутри бурлило одно-единственное желание – сесть на пол и разрыдаться.

Она сама взвалила на свои плечи непосильную ношу и теперь не знала, как от нее избавиться.

Слишком много воздушных замков в голове.

Слишком разрушительны последствия ее наивных дей-

ствий.

Ей снова придется собирать себя по кускам.

Она – свой личный киллер, наводящий прицел прямо в лоб, но не осмеливающийся нажать на курок, держась из последних сил и чувствуя, как скользит палец.

– А как? Как, Дженкинс? Вообразила, что мы будем сидеть за одним столом и пить чай, вспоминая школьные годы? Будем ходить на прогулки и готовить ужин? Что я посчитаю тебя своим личным рождественским чудом?

Да.

– Нет!

– А как?

– Просто надеялась, что вражда отошла на второй план. Что наши споры и ненависть остались позади и что…

– Что?

– Что ты изменился.

Она осмелилась прямо посмотреть ему в глаза, и в голове наконец прозвучал тот самый выстрел, оставляющий в черепе зияющую дыру, несовместимую с жизнью.

Они с Мартином так же были несовместимы.

Так почему она никак не могла это принять?

Звенящая тишина. Тиканье часов теперь казалось чересчур громким, способным оглушить человека.

Они застыли на своих местах, и никто не осмеливался сделать тот самый первый шаг, чтобы сдвинуться. Ее грудь вздымалась все выше, а в ушах появился противный гул. Но

Грейс продолжала стоять, гадая, что будет дальше. Ей показалось, что она снова видела это – такое же чувство в его глазах, как и тогда, в переулке.

– Я вернусь в комнату, – спокойно, почти добродушно произнес он.

Мартин пошел вперед, на мгновение останавливаясь у порога, чтобы развернуться и протиснуться мимо Грейс.

Затем наклонился, еле слышно шепча ей на ухо слова, от которых стало тошно. От которых желчь подступила к горлу.

– Заметь, не я обозвал тебя в переулке. Ты сама себя оскорбила, Дженкинс. А теперь ответь, видишь ли ты какие-то изменения?

Она снова возвратилась к этому. Сожалея, что все нельзя повернуть вспять. Что нельзя воспользоваться машиной времени и все изменить, стирая моменты страданий, которые Грейс никак не могла забыть.

Но сейчас Грейс так сильно хотелось уничтожить этот диалог, что она готова была нарушить любые правила, стать той школьной бунтаркой, которая могла найти выход из любой ситуации. И в таком состоянии она бы наверняка придумала, как смастерить чертово устройство, что перекинуло бы ее в прошлое и исправило ее жизнь навсегда.

Но вместо этого Грейс пошла в свою спальню, закрыла дверь, уткнулась лицом в подушку и позволила себе разреветься. Стать маленькой девочкой, которой очень хочется, чтобы ее пожалели. Чтобы ее просто прижали к себе и гла-

дили по голове. Но она знала, что не сможет это заполучить.

Никогда.

Она привыкла. На самом деле научилась справляться со всеми проблемами в одиночестве, практически не прося помощи и поддержки со стороны. Но бывали моменты слабости. И тогда маленькая Грейс вырывалась наружу, не находя в себе сил твердо стоять на ногах. Ей нужна была опора, которой не было. И чем больше времени проходило, тем более горько было признаваться себе в том, что ее, возможно, никогда и не будет.

Потому что в ее сердце жила любовь.

Она была прекрасна, чиста и слишком наивна.

Но беда в том, что она никому не была нужна.

Через три часа, когда Грейс окончательно перестала всхлипывать, она умылась, переоделась в пижаму и залезла под одеяло. Когда она успокоилась и прислушалась к звукам в квартире, то уловила звук воды. Мартин снова принимал душ.

Мартин ни разу не вышел из комнаты за субботний день.

Грейс проснулась около полудня, пошла на кухню, чтобы позавтракать, а затем вернулась в спальню, прихватив с собой книгу.

Она спускалась вниз еще трижды, в то время как Мартин продолжал сидеть в комнате. С легкостью можно было подумать, что он ушел или же плохо себя почувствовал. Вот только он ходил в душ. Раз пять. А это давало понять, что он

жив и способен самостоятельно передвигаться.

Но Грейс злило то, что он не выходил из комнаты.

Она порывалась зайти к нему в обед, но остановила себя, не желая ругаться. Вот только к вечеру злость взяла над всем верх, и Грейс быстро вышла из спальни, замирая у его двери. Былая решительность тут же испарилась, но отступать было поздно.

Постучав, она не знала, что делать дальше. Ждать, когда он разрешит войти, или же сделать это самой. Но Мартин все сделал за нее, открыв и замерев напротив нее.

– Почему ты ничего не ешь?

– Я же сказал, Дженкинс, я не голоден.

– Ты что, превратился в киборга в тюремной камере и теперь тебе не нужна еда?

– Что?

Она шумно выдохнула, понимая, что Мартин еще никогда ее так сильно не раздражал.

– Просто спустись и поешь. Или ты хочешь, чтобы я покормила тебя с ложечки?

– Не хочу травмировать твою психику, Дженкинс. Хотя, думаю, это было бы забавное зрелище.

– Так ты спустишься или нет?

– Я разберусь.

– Это твой план, да? Признайся, Мартин. Хочешь заморить себя голодом, чтобы все вокруг говорили о том, какой я отвратительный надзиратель?

Он рассмеялся. *Снова.* Как тогда, в переулке. А она снова растерялась.

– Только тебе в голову могла прийти такая мысль, Дженкинс. Ты забавная.

– Забавная? Так тебе забавно, Мартин?

– Немного.

– Ты вынуждаешь меня применить силу. Чтобы я привязала тебя к стулу и…

– Это твоя сексуальная фантазия, Дженкинс?

Ее щеки запылали. Но самым отвратительным было то, что теперь Грейс не могла связать и двух слов. Открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба, готовая задохнуться от недостатка кислорода.

За неимением слов Грейс сделала самое ужасное, что только можно было сотворить. Она его ударила. Размахнулась и стукнула кулаком в грудь, как делают некоторые героини сериалов, когда ругаются с парнями. Грейс всегда считала это отвратительно глупым жестом, однако сейчас делала то же самое. Но она готова была оправдать себя тем, что ощущала облегчение. Именно поэтому замахнулась еще раз, а потом еще и еще. Пока Мартин не перехватил ее руку, слегка сжимая запястье.

– Мы не в школе, Дженкинс.

– Я знаю!

– Тогда почему ты меня бьешь?

– Потому что сейчас ты раздражаешь меня точно так же.

И даже больше.

– Я всю жизнь раздражаю тебя, разве нет?

– Возможно. Не знаю. Нет!

– Почему ты вообще согласилась на это? В твоей организации больше нет работников?

– Конечно же есть.

– Почему тогда? Не могла отыскать себе другого убогого подопечного? Или это твой план лишний раз меня унизить?

– Нет.

Она старалась высвободиться из его хватки, но Мартин продолжал удерживать ее запястье. Его большой палец переместился на ее ладонь, и, к своему стыду, она его сжала.

– А что тогда?

– Просто больше мне никто не нужен!

Она замолчала, закрывая глаза, осознавая, какую ошибку совершила и какую глупость сморозила. Мартин выпустил ее руку, и Грейс воспользовалась моментом, чтобы выбежать из комнаты и снова углубиться в размышления о машине времени, которой даже не существовало.

Адреналин зашкаливал. Она металась по спальне, не зная, как все исправить. Этот диалог только усугубил и без того чудовищную ситуацию. Грейс не думала, что вообще способна быть такой дурой. Она ведь практически призналась ему. Чуть не открыла свою душу, ожидая, когда он воспользуется моментом и плюнет туда, расплываясь в своей нахальной, ядовитой и до ужаса очаровательной улыбке.

Через пять минут Грейс решила, что слишком драматизирует. Нет никакой гарантии, что Мартин растолковал ее слова правильно. К тому же, если он ее спросит, она всегда может все отрицать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.